

Ли Сяньфу прекрасно умел читать людей по лицам. Цинь Цзинь выразил свои эмоции более чем ясно... Очевидно, он не хотел ворошить прошлое.

Когда они снова двинулись в путь, их плечи слегка разошлись, и они пошли друг за другом.

Ли Сяньфу не любил оставаться в неведении, иначе не стал бы начистоту выкладывать все карты еще до приезда Ли Аньцина.

Заметив, как Ли Сяньфу нахмурился, Цинь Цзинь ровным голосом произнес:

— На самом деле тебе лучше молиться, чтобы память не вернулась к тебе до конца дней.

Слова прозвучали довольно резко, однако это было сказано не тоном предупреждения, а скорее как добрый совет.

Пройдя еще немного, Ли Сяньфу, который обычно предпочитал не переступать черту, все же не удержался и спросил о причине. Не дождавшись ответа, он вновь нахмурился:

— И ты совсем не подозреваешь, что к исчезновению твоего младшего брата причастен я?

Если бы, к примеру, Ли Хуайчэнь отправился с кем-то в поездку и обратно невредимым вернулся бы только его спутник, тот наверняка перерыл бы все вверх дном, чтобы выяснить мельчайшие подробности.

Цинь Цзинь ответил:

— В этом нет нужды.

Не «я не подозреваю тебя», а «в этом нет нужды» — разница всего в пару слов, но смысл меняется кардинально.

Пока Ли Сяньфу раздумывал над этим двусмысленным ответом, они уже подошли к полицейскому участку. Старые стены давно облупились и приобрели грязновато-серый оттенок.

Дежурный полицейский оказался приветливым. Извинившись за то, что заставил их идти пешком, он лично налил им по стакану воды.

Из соседней комнаты доносились крики Чжоу Паньбай. Когда ее призывали к порядку, она, напротив, начинала орать еще громче.

Полицейский лишь беспомощно развел руками:

— Похоже, у нее не все в порядке с головой.

И это было чистой правдой. Чжоу Паньбай спала и видела, как добьется успеха, но при этом обладала ранимой и хрупкой душой художника. Сочетание этих качеств сделало ее психику крайне уязвимой.

Выслушав предысторию и узнав, что всему виной был конфликт из-за жульничества на конкурсе, полицейский особо не удивился. Однако, когда речь зашла о том, каким именно способом Чжоу Паньбай собиралась расправиться с Ли Сяньфу, лицо стража порядка приняло весьма странное выражение.

— Она пыталась сломить меня с помощью морального насилия, — сокрушенно вздохнул Ли Сяньфу.

— ...

Закончив с протоколом, они вежливо отклонили предложение полицейского подвезти их и двинулись в обратный путь той же дорогой.

По дороге Цинь Цзинь внезапно произнес:

— Ты все еще должен мне картину.

Во время участия в шоу Ли Сяньфу пообещал подарить ему картину, достойную кисти будущего мастера. Услышав напоминание от своего «кредитора», он смутился:

— Я постараюсь закончить как можно скорее.

А затем спросил, что тому ближе: тушь или масло.

Цинь Цзинь медленно покачал головой:

— Можешь вернуть долг обедом.

Ли Сяньфу не спешил соглашаться. Цинь Цзинь оказал ему огромную услугу, и просто пригласить его на обед казалось слишком банальным.

— Ли Сичунь в своей ленте назвал тебя идеалом во плоти и даже выложил фотографию приготовленного тобой обеда, — искоса взглянул на него Цинь Цзинь. — Мне стало любопытно.

Ли Сяньфу удивленно приподнял брови. Оставим в стороне то, как именно Цинь Цзинь получил доступ к публикациям Ли Сичуня, — сам-то Ли Сяньфу точно был у него в черном списке.

...

Новость о том, что Чжоу Паньбай наняла местных хулиганов для похищения, но потерпела неудачу, разнеслась среди участников в тот же вечер.

Больше всех изумился судья Фан. Ему и в голову не могло прийти, что Чжоу Паньбай, казавшаяся хрупким вьюнком, на деле окажется ядовитой змеей. Впрочем, изумление быстро сменилось разочарованием: он втайне сожалел, что ни с Цинь Цзинем, ни с Ли Сяньфу ничего не случилось.

Из-за этого происшествия поездку на этюды отложили на день, чтобы напуганные участники могли прийти в себя.

Сам Ли Сяньфу ничуть не испугался, зато изрядно устал от суеты. На следующий день к нему один за другим потянулись гости. Постоянно принимать посетителей быстро надоело, а особенно раздражал судья Фан со своими приторными, фальшивыми соболезнованиями.

Проводив последнего визитера, Ли Сяньфу сходил за продуктами, одолжил у хозяина дома кухню и принялся за готовку, решив исполнить обещание.

Двое ребяташек с любопытством заглядывали в дверной проем, пытаясь рассмотреть, чем он занят.

При обжарке соевые бобы то и дело с треском лопались. Дети испуганно зажимали уши руками и со смехом отбегали в сторону, но вскоре, приманенные аппетитным ароматом, снова возвращались.

— Чего расшумелись? — подошел хозяин дома и прикрикнул на сорванцов. — А ну марш делать уроки!

Пока недовольная детвора плелась в свою комнату, он обратился к Ли Сянфу:

— Там к тебе с телевидения пришли, специально из города приехали.

Ли Сянфу просеял соевую муку и глянул в окно:

— Телевидение?

— В нашей деревне шила в мешке не утаишь, — вздохнул хозяин дома, посетовав на падение нравов, и продолжил: — Вчера одного из тех хулиганов увезли в больницу со сломанной рукой. Так он там на чем свет стоит матерился и жаловался, что заказчица оказалась сумасшедшей: велела похитить человека только ради того, чтобы запереть его и заставить смотреть стриптиз.

— Слухи разошлись мигом, и у кого-то из местных родственников оказался журналистом. Едва прослышал об этом, сразу примчался.

— ...

Пока они разговаривали, во двор уже вошли люди с видеокамерами.

Их было несколько человек, причем из разных изданий. Как выяснилось, представитель телевидения среди них был всего один, остальные — репортеры газет и блогеры.

Ли Сянфу не горел желанием давать интервью, но не успел он озвучить отказ, как к нему подошла миловидная девушка с сияющей улыбкой и представилась:

— Здравствуйте! Я корреспондент телеканала Цанъян. Мы бы хотели задать вам несколько вопросов о происшествии прошлым вечером.

Она пришла не с пустыми руками — принесла небольшой подарок — и заверила, что его лицо полностью скроют пикселями, так что за конфиденциальность можно не переживать.

Не дождавшись ответа, журналистка смутилась и принялась мысленно подбирать слова, чтобы зайти с другой стороны.

Но тут Ли Сянфу кивнул:

— У меня только одно условие: не преувеличивайте факты.

Девушка с облегчением выдохнула:

— Не беспокойтесь. Мы уже поговорили с дежурным полицейским и одним из похитителей. Если мы станем что-то выдумывать, факты просто не сойдутся.

— ...

Вопросы были подготовлены заранее, так что интервью в формате «вопрос-ответ» завершилось

быстро.

В наши дни официальным СМИ приходится соперничать в скорости с блогерами — промедлишь секунду, и просмотры заберут другие. А поскольку внимание публики сильнее всего привлекают курьезные происшествия, в сети даже регулярно составляют рейтинги самых нелепых новостей года.

Буквально через пару часов видеозапись интервью разлетелась по соцсетям и попала в дневной выпуск новостей. Нелепый мотив преступников мгновенно стал самой обсуждаемой темой в интернете.

Вечер. Семья Ли.

Днем Ли Хуайчэнь занимался оформлением Ли Шаши в школу, поэтому в офис возвращаться не стал и сегодня на редкость вовремя сел ужинать со всей семьей.

Старик Ли еще вчера узнал от старшего сына, что Ли Сянфу теперь известна вся правда. Нахмурившись, он спросил:

— Он сегодня больше не звонил?

Ли Хуайчэнь покачал головой.

Старик Ли нахмурился еще сильнее и проворчал:

— Вечно от него одни беспокойства.

Ли Шаша, тихо сидевший за столом, вытер салфеткой уголки рта:

— Папа уже сообщил в новостях, что с ним все в порядке.

— ...

Примечание автора:

Ли Сянфу: Каждый день моей жизни злодеи нежно исцеляют меня.

Ли Шаша вел очень размеренную жизнь: собирал кубик Рубика, складывал пазлы, читал книги и просматривал горячие новости в интернете, чтобы не отставать от времени.

— В новостях? — Первой мыслью старика Ли было то, что Ли Сянфу провернул тайную операцию и втихаря записался на какое-нибудь развлекательное шоу.

Ли Шаша вовремя направил его мысли в нужное русло:

— На этот раз новости происшествий.

И во избежание недопонимания добавил:

— Очень... суровые.

— ...

Он быстро сбегал наверх, принес ноутбук и ловко открыл нужную вкладку. Предвидя, что в

будущем Ли Сянфу станет частым гостем в новостях, Ли Шаша даже выделил для этих материалов отдельный жесткий диск.

Старик Ли внезапно повернулся к Ли Хуайчэню:

— В какой класс ты его записал?

Не отвечая напрямую, Ли Хуайчэнь сухо обронил:

— Разницы нет.

— ...

— Вчера поздно вечером группа злоумышленников ворвалась в жилой дом. Однако цель, которую они преследовали, не поддается никакому логическому объяснению.

Ли Шаша запустил видео. Голос диктора тут же приковал внимание мужчин. Даже тетя Чжан отвлеклась от домашних дел и уставилась в экран.

На экране появился подозреваемый с гипсом на руке. Он уныло жаловался:

— Да не собирались мы никого убивать или поджигать! Заказчица просто велела нам похитить мужика, чтобы заставить его смотреть стриптиз.

Кадр сменился, и заговорил полицейский:

— В ходе проверки было установлено, что это действительно являлось одной из целей преступления. Поскольку главная подозреваемая в настоящее время находится в нестабильном психическом состоянии, более глубокие мотивы еще предстоит выяснить.

Последним на экране появился Ли Сянфу. Хотя его лицо и было размыто, благодаря стильной одежде и приметным длинным волосам близкие узнали его без труда.

Журналистка спросила его, как он относится к целям этой преступной группировки.

Микрофон поднесли почти к самым губам, и до сидевших за обеденным столом донесся знакомый низкий голос:

— У каждого свои причуды. Я могу сказать лишь одно... времена изменились.

Последние слова прозвучали со вздохом облегчения.

У старика Ли дернулся уголок рта:

— О чем это он сокрушается?

Ли Шаша с серьезным видом ответил:

— Папа выразился яснее некуда: нам повезло жить в прекрасную эпоху.

— ...

Что и говорить, день у Ли Сянфу выдался на редкость насыщенным.

<http://bllate.org/book/18300/1756976>